

М.Б. Проскурнина (Пермь, Россия)

Уроки Елены Захаровны Цыбенко

М.В. Proskurnina (Perm, Russia)

Lessons from Elena Zakharovna Tsybenko

С именем Елены Захаровны Цыбенко связан большой, творческий, трудный, но такой интересный и значимый для меня период моей московской научной жизни. Елена Захаровна – тот человек, кто ввел меня не просто в семью филологов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, что само по себе было судьбоносным событием для вчерашней выпускницы Пермского государственного университета, но и в большую славистику – только-только открывающийся тогда для меня мир совсем новых имен, текстов, дискуссий, национальных культур и традиций.

К моменту встречи с Еленой Захаровной Цыбенко весной 1996 г. я с отличием окончила филологический факультет Пермского государственного университета (ныне – ПГНИУ), защитила дипломную работу о романном творчестве одного из лучших македонских писателей Петре М. Андреевского и, получив рекомендацию Государственной экзаменационной комиссии к поступлению в аспирантуру, отправилась, по совету прекрасного преподавателя кафедры общего и славяно-русского языкознания ПГУ (так тогда именовалась нынешняя кафедра теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ) и выпускницы кафедры славянской филологии МГУ имени М.В. Ломоносова Марины Александровны Поварницыной, влюбившей меня в Македонию и македонский язык, в Московский университет.

М.А. Поварницына направила меня на кафедру славянской филологии с тем, чтобы я встретила с Владимиром Павловичем Гудковым, многолетним заведующим кафедрой, и незабвенной Риной Павловной Усиковой, основоположником македонистики в России, которые сначала посоветовали мне обратиться к интеллигентному и неординарно мыслящему ученому-сербохорвату Сергею Николаевичу Мещерякову как к возможному научному руководителю. Македонская литература на кафедре славянской филологии в Московском университете к этому времени в разные годы была представлена, пусть и нерегулярно, курсами лекций А.Д. Романенко и Н.В. Масленниковой. С 1992 г. и по сей день курс по истории македонской литературы, спецкурсы по македонской прозе, культуре Македонии читает Алла Геннадьевна Шешкен.

Ну а в 1996 г. Сергей Николаевич Мещеряков, согласившийся стать моим научным руководителем, по каким-то бюрократическим причинам не смог этого сделать и «передал» меня профессору Елене Захаровне Цыбенко. Только теперь я понимаю, что В.П. Гудковым и Р.П. Усиковой было принято более чем продуманное решение, ведь Сергей Николаевич Мещеряков еще в 1986 г. защитил под руководством профессора Е.З. Цыбенко кандидатскую диссертацию «Жанровое своеобразие сербского реалистического романа 1970-х годов», поэтому тема моей будущей диссертации – «Македонский роман 1980–1990-х гг. в югославянском литературном контексте: основные тенденции, типология жанра» – в каком-то смысле продолжала работу ученых кафедры славянской филологии в направлении исследований югославянского культурного и литературного пространства.

Кафедра славянской филологии
МГУ имени М.В. Ломоносова. 1997 г.

Однако сама македонская тема, в том числе и пресловутый «македонский вопрос», вызвала не столь однозначную реакцию у Елены Захаровны. Очень хорошо помню нашу первую встречу в стенах кафедры. Разумеется, я волновалась, понимая, что передо мной блестящий ученый-полонист, которая в силу специфики научных интересов едва ли была подробно знакома с македонскими сюжетами. В 1991 г. страна только-только получила самостоятельность, политическая и национально-культурная жизнь там была ключом, сопровождаясь очень интересными процессами, появлялись новые имена, открывались табуированные прежде темы, а я, уже дважды побывавшая там и самозабвенно погруженная во все эти македонские события, была бесповоротно влюблена в Македонию и все, с ней связанное.

В эту памятную нашу встречу и состоялся первый урок Елены Захаровны, урок, который я запомнила на всю свою жизнь. «О чем была Ваша дипломная работа, Маша, и чем Вы хотели бы заниматься в аспирантуре?» – спросила Елена Захаровна, внимательно глядя на меня. «Я писала работу по македонскому автору Петре М. Андреевскому, а заниматься хотела бы современным македонским романом», – ответила я. И тут Елена Захаровна со свойственной ей прямоотой бесхитростно произнесла: «Интересно, да... Вы планируете изучать то, чего нет!» Конечно, сказать, что я опешила, – это ничего не сказать. Но это был – нет, не удар! – это был вызов. И «весовые категории» у дискутантов были явно неравноценны.

После долгой паузы, во время которой Елена Захаровна явно давала мне прийти в себя и собраться с мыслями, я начала говорить, словно защищая все то, что мне так дорого. Говорить взахлеб о Македонии, ее сложнейшей геополитической судьбе, о «македонском вопросе», о специфическом характере развития македонской литературы, о ее древних корнях и в то же время о ее молодости, о первом македонском романе Славко Яневского «Село за семью ясенями», вышедшем в 1952 г., об удивительной по силе эмоционального воздействия поэзии Блаже Конеского, о Кочо Рацине, Живко Чинго, Владе Урошевиче, Петре Андреевском, о моем любимом македонском поэте Ацо Шопове. Мне кажется, я даже процитировала его пронзительные строчки из стихотворения «В тишине» (1955): «Если что-то не может облечься в слова, / Жжет и на душу тяжестью ляжет, / Спрячь же это на дно тишины, и сама тишина / Все расскажет» (перевод Н. Разговорова). Правда, прочла я эти строчки по-македонски. Не знаю, смогла ли я в чем-то убедить Елену Захаровну в тот день, было ли вообще это возможно и уместно, но то, что через несколько месяцев осенью 1996 г. на вступительных экзаменах в аспирантуру я чувствовала себя совершенно уверенно, – это заслуга Елены Захаровны, которая показала мне, что ты должен быть готов защищать, как говорится, свой «материал» всегда, везде, каждую минуту. Ты должен гореть тем, что делаешь. Иначе ты никого ни в чем не убедишь!

А еще через год уже сама Елена Захаровна Цыбенко, выступая на международной конференции на филологическом факультете МГУ, включила в свой обширный доклад о современных тенденциях в славянских литературах страницу о таких македонских писателях, как Д. Коцевски, М. Маджунков, В. Урошевич.

Уроки, полученные от Елены Захаровны, нельзя забыть, они сопровождают меня по сей день. Я помню, как меня поражал тот факт, что профессор Е.З. Цыбенко всегда неизменно внимательно, вдумчиво, серьезно слушала меня, молодую аспирантку, но при этом никогда не обращалась ко мне с высоты своего невероятного, разумеется, заоблачного научного положения. Вспоминаю наши споры с Еленой Захаровной относительно лирического начала в романном тексте. Мы понимали это теоретико-литературное явление по-разному, отчего Елена Захаровна жестко раскритиковала одну из моих статей, испещрив ее пометками, вставками и даже вклейками. Были и курьезные моменты в этом споре: придя к Елене Захаровне в очередной раз, я основательно подготовилась и принесла с собой знаменитую книгу Л.Я. Гинзбург «О лирике» в свежем издании 1997 г., а на столе в кабинете у Елены Захаровны лежала эта же книга Л.Я. Гинзбург, но изданная в 1964 г. Постепенно Елена Захаровна склонилась, мне кажется, в мою сторону в трактовке некоторых теоретических моментов, сгладив тем самым и мою излишнюю запальчивость, и острые углы этой дискуссии. Способность Елены Захаровны сделать шаг навстречу еще один важнейший жизненный и творческий урок для меня. Именно Елена Захаровна показала мне удивительную вещь: ты можешь знать многое, ты можешь быть трижды профессором самого престижного вуза страны, но в определенный момент ты оказываешься способен услышать голос оппонента, принять его всерьез, вдуматься в те мысли, которые молодой аспирант пытается неуклюже донести до маститого ученого.

Елена Захаровна Цыбенко, на мой скромный взгляд, была человеком большой научной чести. Это проявлялось в благородстве ее человеческого поведения, в честности, граничащей с прямолинейностью, конечно, по отношению к другим и к самой себе. Никогда не забуду то заседание кафедры, на котором Елену Захаровну Цыбенко должны были переизбрать на должность профессора кафедры. Нужно ли говорить, что единственным испорченным бюллетенем оказался бюллетень, заполненный самой Еленой Захаровной! Говорю об этом с полной уверенностью, потому что лично была тогда в составе счетной комиссии.

Был и еще один случай, который произвел на меня большое впечатление и многое открыл в характере Елены Захаровны. Будучи уже научным сотрудником Института славяноведения РАН, куда, кстати говоря, после защиты в 2000-м кандидатской диссертации направила меня все та же Елена Захаровна, передав в уверенные руки прекрасного и дорогого нам всем Виктора Александровича Хорева, который взял меня на работу в Отдел истории славянских литератур, я была приглашена в качестве оппонента на защиты дипломных работ на ставшую уже родной для меня кафедру славянской филологии МГУ. Одной из дипломных работ по польской, разумеется, литературе оппонировала сама Елена Захаровна. Речь защищавшейся выпускницы, которая говорила о романах Болеслава Пруса, изобиловала ссылками на работы профессора Е.З. Цыбенко, причем на работы явно не позже 1950-х гг., тем более что Елена Захаровна, как известно, в 1951 г. защитила кандидатскую диссертацию о творчестве Болеслава Пруса. Елена Захаровна с непроницаемым лицом слушала странно звучащие в исполнении юной дипломницы в 2001 г. фразы о «буржуазном литературоведении», «позитивистских предрассудках» и даже «марксистско-ленинских» (понятно, что работы 1950-х гг. не могли пройти в печать без всем известных формулировок!) подходах к литературному творчеству польского писателя. Когда пришло время выступать Елене Захаровне Цыбенко, то она совершенно спокойно заметила: «Коллеги, нельзя всерьез воспринимать абсолютно все, что было написано мной или кем-то еще почти 50 лет назад! Всем свойственно заблуждаться». И Елена Захаровна вдумчиво и аргументированно разбила в пух и прах свои собственные суждения пятидесятилетней давности. Этот урок научной честности я тоже помню до сих пор.

Нельзя не сказать и том, как поддерживала Елена Захаровна меня, полуголодную аспирантку, живущую в общежитии Главного здания МГУ, как настойчиво покупала мне бутерброды с красной рыбой в филфаковском буфете, невозмутимо говоря: «Вы не должны голодать!» – чем очень смущала меня, разумеется; как неизменно кормила меня обедами, когда я приходила к ней домой с очередными страницами моей диссертации; как возила нас с моей коллегой Юлией Созиной на такси в Институт славяноведения РАН на конференции; как заботливо опекала нас обеих потом, когда мы начали там работать; как каждый раз при встрече в Институте славяноведения Елена Захаровна долго и подробно расспрашивала меня про работу, семью, настроение, здоровье. Вспоминая об этом сейчас, я понимаю, что это тоже были очень важные для меня уроки человечности – уроки Елены Захаровны Цыбенко.

Пожалуй, самой большой печалью для меня стало то, что я не смогла поделиться с Еленой Захаровной одним из важнейших событий в моей жизни – радостью рождения сына Аркадия. Спустя полтора месяца после появления на свет моего сына Елена Захаровна Цыбенко ушла из жизни 17 октября 2011 года, о чем мне очень тепло и грустно написала как раз Юлия Анатольевна Созина, еще одна ее ученица: «Умерла наша Елена Захаровна». Именно так – наша... Наша Елена Захаровна Цыбенко.

Сведения об авторе:

Мария Борисовна Проскурнина,
канд. филол. наук
доцент
директор
АНО ДПО «Центр образования
«Академия»»

Maria B. Proskurnina,
PhD
Associate Professor
Director
Autonomous Non-Profit Organization
of Additional Professional Education
«Education Center “Academia”»

mariapros@rambler.ru